

Андрей МАКАРЕВИЧ:

"Я живу в России и здесь останусь навсегда"

Со ВРЕМЕНИ нашей последней встречи (почти 3 года назад) Макаревич почти не изменился. Разве что седых волос на голове прибавилось, да животик стал проглядываться. И еще — раньше Андрей курил только «Мальборо» или «Кэмэл» без фильтра. Теперь — перешел на «Магнум». Даже вполне состоятельных людей инфляция загнала в «тупик».

Поводом для встречи послужили многие факторы. И первый — резко изменившаяся конъюнктура российского музыкального рынка. Забыты полностью (или частично, что тоже радует) фонограммные звезды и звездочки, да и сам шоу-бизнес стал нерентабельным и многих лишил работы. Зритель чуточку повзрослел и соответственно (на что хотелось бы надеяться) поумнел. Второй причиной стало молчание «Машины времени». Когда не слышно о любимцах, то это настораживает. И, в-третьих, просто захотелось узнать мнение старейшего московского рокера о сегодняшней нашей непростой жизни, и с этими размышлениями познакомиться читателей «Джокера».

Но разговор начался имен-

но с нашей газеты, которая, на взгляд Макаревича, «хорошо относится к музыкантам и с пониманием пишет об их очень непростой жизни».

— А вообще назови отрицательные стороны новой, не обычной для Москвы газеты?

— Заметки написаны нормально, небедливо (что, кстати, иногда бывает в «ЗД»). Газета не пошлая и достаточно информативная.

— Ну это одни комплименты. Я их слышал много. Мне хочется услышать конкретно о резко отрицательных сторонах.

— Резко отрицательных сторон я не заметил. Может быть, только иногда какое-то желание «подколоть».

— И так, мы вчера встретились в «МК». И вместе с тем ты намекнул на то, что с этой газетой тебя уже почти ничего не связывает так, как раньше.

— Дело в том, что в этом году я сделал эксперимент. Не подписался ни на одно печатное издание, потому что этот фронтан всевозможной прессы, который сначала нас всех обрадовал (ничего было нельзя, а теперь можно), обернулся некоей «трагедией». В прессу выплеснулось столько непрофессионализма, столько холуйской злобы, что я

перестал получать удовольствие от чтения газет. Покупаю иногда «Московские новости», «Аргументы и факты», «Огонек», иногда попадается «Московский комсомолец». Мне нравятся некоторые люди, которые там работают, и то, что они делают. Аронов, например. Новоженков пишет замечательно. Но, с другой стороны, появляются какие-то очень неровные материалы. Я говорю об общем уровне, меня уровень всегда очень волнует, уровень профессионализма. Чувствуется бравада такая ради куража. А все новости я узнаю по телевидению. Из «Вестей».

— А что тебя связывает с «Московской правдой»?

— Ничего особенного не связывает. Они меня просто пригласили. Но в этом и заключается работа музыкантов. Люди устраивают вечер и хотят услышать свою любимую музыку.

— А не делается ли это ради телевидения?

— Нет. Я вообще не считаю, что нас телевидение обижает своим вниманием. Этого нет. Ну, конечно, если бы меня партия Жириновского пригласила играть на их вечер, я бы, конечно, не пошел. А к «Московской правде» у меня нет никакого негативного отношения.

— Ты говоришь: «телевидение не обижает»... Что-то я в последнее время нечасто встречал твои выступления...

— Да нет. Достаточно час-

то. Это во многом зависит и от нашей активности. Вот выходит альбом, снимаются клипы, концерты. В момент выхода пластинки это очень важно. Наш последний диск был окончательно распродан несколько месяцев назад... Для меня продолжает оставаться большой загадкой политика нашей пластиночной торговли. При том, что они все сетуют, что пластинок к ним не поступает, они недоказывают тираж. А недоказывают по одной простой причине — они боятся рисковать, не знают конъюнктуры спроса. Все время опаздывают на год-два. Действуют наобум. Тем более сейчас другие условия. Раньше они получала пластинки и возвращали деньги за реализацию, например, заводу-изготовителю. А сейчас завод требует предоплату — вы хотите тираж — выкупите его и продавайте. Они боятся на это идти.

— Тем не менее ты доволен, как расходятся и твои сольские пластинки и пластинки «Машины времени»?

— Они расходятся очень быстро, и это приятно.

(Окончание на 5-й стр.).

Андрей МАКАРЕВИЧ.

"Я ЖИВУ В РОССИИ И ЗДЕСЬ ОСТАНУСЬ НАВСЕГДА"

Воскресный клуб — 1992. — 2 часть.

(Окончание.
Начало на 3-й стр.).

У последней пластинки тираж был около 100 тысяч. А на нашу страну — это смешно. Я езжу с гастролями по городам. Город получил 1000—500 пластинок. Их раскупили за час-два, и все.

— Сейчас много гастролей?

— Сейчас не очень. Даже если бы у нас была своя аппаратура (сейчас ее нет)... Проблемы с арендой, с транспортировкой сводят концерты к убыточным. Чудовищные деньги берут за аренду аппаратуры.

— Ну это, наверное, связано с неразберихой в стране?

— Конечно, это связано с общим положением в стране.

— А какой ты видишь эту страну в будущем?

— Я прогнозы давать не умею. Но мое какое-то оптимистическое устройство вселяет надежду, что в конечном счете все будет хорошо. Я понимаю, что все не может произойти за год, за два. Хотя страшно хочется, чтобы уж быстрее... Меня очень раздражает в последнее время политика средств массовой информации, которые сознательно (или несознательно) занимаются прямым нагнетанием напряженки. Как, скажем, 10 лет назад можно было говорить только про хорошее, то сейчас в принципе можно говорить про все. Но при этом говорят только про плохое. Как у Жванецкого: «Каждый день с экрана спрашивают: когда же будет восстание?». Я не верю, что на фоне всех этих неприятностей ничего хорошего не происходит.

— Да, в этом я согласен. «Коммерсантъ» здорово нагнетает атмосферу...

— «Коммерсантъ» — не худшая газета...

— Но все их прогнозы: и с долларом, и т. п.

— А это происходит потому, что такое сознание: вот вроде вырвались — и можно про плохое говорить. Тенденция сейчас такая, легче про это говорить — это на виду. Зачем мне рассказывать про то, как мне плохо, когда я сам это чувствую. Но не надо сочинять сказки и «про хорошее». Но если хорошее где-то происходит, расскажите об этом. Это просто поднимает дух.

— Какие твои впечатления от «ЗД» тогда и сейчас?

— Ну, раньше я имел возможность следить за «Звучковой дорожкой», а сейчас она ко мне попадает от случая к случаю. Поэтому не могу дать какой-то сравнительный анализ.

— Какой ты сейчас ведешь образ жизни? Твой рабочий день?

— Был сегодня в мэрии, на телевидении... Мы долго работали под крышей Росконцерта. И при всей массе не-

достатков там были и достоинства. О каких-то вещах нам не надо было думать. В частности, об аппаратуре, о крыше над головой. Просто ездили на работу, репетировали, получали какую-то зарплату. Когда Росконцерт приказал долго жить, мы оказались на улице. И чуть больше года мы прожили очень странной жизнью: не имея ни инструментов, ни базы, ни аппаратуры, практически не репетируя. Но при этом мы умудрились записать пластинку — совершенно удивительно. Провели гастролы на «старом дыхании».

— Значит, ты занимаешься административными, техническими вопросами?

— Да, приходится, хотя я этого очень не люблю. Не умею пока. Но приходится этим заниматься, потому что надо как-то выживать.

— А все-таки твоим музыкантам есть на что жить?

— Есть. Во-первых, я не считаю, что мы требуем чего-то сверхъестественного. Золотая ванна никому не нужна. Потом, помимо нашей совместной деятельности, у каждого есть своя работа. Я сейчас пишу музыку для кино, выступаю иногда с сольными концертами. Саша Кутиков работает на студии грамзаписи «Синтез». Моргулис с Катей Яковлевой затеял какую-то штуку, помогает ей записать альбом. Сейчас он и Петя Подгородничук уезжают в Америку записывать этот диск для Кати. Так что пока никто с голоду не умирает.

— А что изменилось в семье, в друзьях?

— Пожалуй, ничего.

— В прессе обсуждалась твоя связь с Ксенией Стриж...

— Я очень не люблю подобные разговоры. Считаю, что моя личная жизнь — то немногое, что я могу оставить себе. А слухи вообще — вещь неприятная.

— А в музыкальных пристрастиях есть что-то новое? Что тебе нравится и что категорически не нравится в отечественной музыке?

— Я вообще не поклонник поп-музыки. К тому же с того момента, когда она стала чисто электронной, законсервированной, на мой взгляд, она потеряла живое дыхание. А если посмотреть на то, что делалось у нас до недавнего времени, когда на какой-то пьеске игрушечной набивались просто три аккорда. Ужасно было то, что это нравилось огромному количеству людей. Эра фонограммщиков кончается, но все равно еще долго будет халтура. Такой уж уровень воспитания. Конечно, Титомир или «Кар-Мэн» — это не Разин. Это колоссальный скачок в профессиональном уровне. Можно любить это направление или не любить — но это крепко, профессионально сделано. И это хорошо. Чисто случайно прослушал недавно группу «Несчастный случай» и пришел в совершенный восторг. Конечно, многие молодые люди ее хорошо знают, а я вот услышал впервые. Вообще я не слежу за тем, что происходит вокруг. Не имею такой возможности. А может, и потребности.

— За рубежом сейчас известные люди начинают продюсировать молодых. Ты не хочешь этим заняться?

— Пока не было таких попыток. Если мне нравится то, что люди делают, то мне не хочется в это вмешиваться. Если мне не нравится то, что они делают, то мне не хочется иметь с ними дела. Так что я в этом смысле не продюсер.

— У тебя есть журналисты, с которыми ты с удовольствием общался бы, и те, с которыми вряд ли бы

согласился на какое-то интервью?

— Есть, конечно. Но, я думаю, мне не надо перечислять их имена на страницах печати — это не совсем корректно.

— А есть конкретные издания, которым ты отказываешься в интервью?

— Есть, и довольно много. Например, мне предлагала сделать большой материал газета «День». Сначала я вроде бы хотел. Но у меня нет никакой уверенности в их честности. Потом все равно все перевернулось. А потом зачем: то же самое я могу сказать на страницах другой газеты.

— Ты знаком с этой газетой?

— Да. Они мне предложили ознакомиться и прислать несколько номеров. Но после того, как я их внимательно прочитал, понял, что лучше не связываться...

— Смешная газета...

— Опасный такой смех.

— А как получилось, что они обратились к тебе с предложением? Ты ведь нерусский?

— Почему ты так думаешь?

— Мне так кажется...

— Ну мало ли что тебе кажется... Я крещен в православной церкви. Тебя интересует наличие еврейской крови? Ну у нас, по-моему, единственная страна, где из-за этого большая путаница. Считаю, что еврей — это национальность. Я считаю, что еврей — это вероисповедание. Ты можешь принять иудаизм — и быть евреем,

бимой» газеты «Взгляд». Тебя с этой газетой и господином Додолевым уже ничего не связывает?

— Нет. И никогда не будет.

— Ты не хотел бы уехать навсегда из России?

— Мне очень бы этого не хотелось.

— Ты был в Израиле, Америке. Не было желания остаться?

— Нет. Замечательные страны, там очень хорошо, можно даже приехать поработать туда. Но живу я здесь. И здесь останусь.

— А где ты не был?

— Хотел бы побывать в Бразилии, Китае, Австралии.

— Ты поедешь туда?

— Бог даст...

— Но можно съездить просто туристом?

— Просто съездить нет времени, к сожалению. Все время масса каких-то неоконченных дел.

— Что бы ты пожелал людям, которые в таких непростых условиях пытаются писать музыку, добиваться популярности, ходят по музыкальным рубрикам газет и журналов, выпрашивают материалы про себя?

— Я не очень понимаю этот термин «добиваться популярности». Мы сами этим никогда не занимались...

— Тем не менее это делают. Тот же пример с Валерией?

— Да, видимо, ей кто-то помогает. Вкладывают бешеные деньги. Для меня важнее, насколько хорошо то, что человек делает. Насколько он хороший музы-

— Я говорю о деньгах, вложенных в средства массовой информации...

— Я сильно сомневаюсь, что наш следующий альбом будет сопровождаться какими-то клипами. У нас есть какие-то задумки. Но взять откуда-то 500 тысяч рублей и вбухать в клип, который потом 2 раза покажут по телевидению, мы не в состоянии.

— У вас есть какие-нибудь спонсоры?

— На сегодняшний день у группы нет спонсоров. Возможно, он появится. У нас немного превратно понимают слово «спонсор». Это не добрый дядя, это тоже договор, который заключается на каких-то взаимовыгодных условиях. Так что не очень хочется к кому-то в кабалу попадать. Мы всегда своей свободой дорожили.

— Но от достойных предложений ты бы не отказался?

— Это во многом зависит от тех, кто эти предложения делает.

— Как ты считаешь, нужны ли популярному артисту средства массовой информации?

— Конечно, потому что сегодня это тот канал, через который то, что он делает, доходит до тех, для кого он делает. Пластины в конце концов это тоже средства массовой информации.

— Ты бы хотел, чтобы твои песни целыми днями крутили по радио, ТВ, публиковались интервью?

— От многих интервью я отказываюсь... С другой сто-

Андрей, год 1979-й.

тал где-то до 25 лет. А сейчас я к некоторым из них возвращаюсь и испытываю очень интересные ощущения, потому что от каких-то книг осталось то же самое ощущение, которое получил тогда. От других ощущения изменились — стали несколько хуже, кажутся несколько скучнее, чем казались тогда. Какие-то кажутся лучше. Я вообще был таким читающим подростком. Доставал много из того, что нельзя было купить.

— И что бы ты мог рекомендовать почитать со своей точки зрения?

— Мне очень нравится Валерий Попов, ленинградский. У него потрясающие рассказы — очень тонкие, очень смешные. Я на него наткнулся случайно.

— В свое время ты увлекался видео, был киноманом...

— Это прошло. Просто не хватает времени. Я понимаю, что из 10 фильмов, которые мне попадут в руки, один будет произведением искусства. А эффект таков — поставил киношку и через 20 минут понимаешь, что киношка-то плохая, но по инерции продолжаешь смотреть. Я не видел еще человека, который бы остановил магнитофон и вынул кассету; а вдруг дальше будет интереснее? Поэтому я стараюсь не включать видео. Если только уж о чем-то очень хорошем прочту в прессе...

— «Джокер» пытается как-то сориентировать читателя в мире кино.

— Да, и какие-то рецензии неплохи бы. Ведь все смотрят. Я удивляюсь порой, с какой скоростью копии попадают сюда. Фильм только вышел и по международному законодательству не может появиться на кассетах. А смотрят же...

— Тем не менее три фильма, которые я очень жду, еще не появились. «Бэтмэн», «Возвращается», «Животный инстинкт» и «Смертельное оружие-III».

— Пройдет месяц, и, я думаю, посмотрим.

— А есть какие-нибудь яркие впечатления от последнего просмотренного?

— Мне всегда нравилась техническая сторона в кино. «Терминатор» классно сделан, я получаю фантастическое удовольствие. А эпоха настоящего, психологического кино, мне кажется, кончилась. Таких, как «Полет над гнездом кукушки», «Кабаре» или «Джаз», — больше не было. Хороший фильм «Точка разрыва».

... Кино, вино, загулы и шумные шоу — все осталось позади. Рокер постарел, но, надеюсь, не постарела его музыка, не утрачен еще дух «Машины».

Успехов тебе, Андрей.

С гостем «Джокера» беседовал

Дмитрий ШАВЫРИН.

«Машина времени» перед концертом в ЦДТ в 1986 г.

даже если ты негр или китаец.

— Раз разговор зашел про газету «День», они наверняка знали, что ты не Иванов Иван Иванович?

— Значит, я был им зачем-то нужен. Градского они тут недавно хвалили...

— Градский тоже ударился в литературу... Стал, как и ты, писать прозу.

— Дурные примеры заразительны...

— Он опубликовал свое эссе на страницах твоей «лю-

конт или пост. И мне кажется, что, чем он лучше, тем меньше у него нужды ходить себя пробовать.

— Ты считаешь, что у нас должно быть, как за рубежом: чтобы журналист бегал за музыкантом, а не наоборот?

— Конечно. Если музыкант этого заслуживает. А если не заслуживает, пробивай не пробивай — ничего не получится.

— Деньгами сейчас тоже особых результатов не добьешься?

— На каком-то этапе они необходимы. Грубо говоря, если у тебя нет гитары, ты не сможешь играть.

роны, когда иногда включишь радио и звучит наша песня — приятно. Тем более приятно, что я не бегал для того, чтобы ее вставить в программу.

— Ты «Юрмалу» не смотришь?

— Нет. не было времени. И «Белые ночи Санкт-Петербурга» пропустил — не успеваю.

— Что ты сейчас читаешь?

— В основном перечитываю. Я прихожу к выводу, что почти все книги, которые мне были нужны, я прочи-